

Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»?

А.С. Исполинов

доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук. Адрес: 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 13. E-mail: ispolinov@inbox.ru

Аннотация

В настоящей статье автор критически анализирует термин «интеграционное правосудие», отмечая его методологическую неопределенность. Причину автор видит в отсутствии в отечественной доктрине ясного понимания того, что следует понимать под интеграцией. По мнению автора, интеграция как особый вид сотрудничества государств означает передачу на уровень институтов межгосударственного объединения полномочий по принятию нормативных актов общего характера, которые заменяют в определенных областях национальное законодательство. Суды таких интеграционных объединений, являясь отдельной группой международных судов, обладают приущей только им компетенцией по судебному контролю таких актов, имея, как правило, полномочия по их аннулированию при их противоречии с учредительными договорами. Это превращает такие суды в полноправного участника нормотворческого процесса, что сближает их с национальными конституционными судами. Наличие полномочий судебного контроля за принятием нормативных актов общего применения может трансформировать такие суды в потенциально крайне влиятельный институт интеграции. Как правило, эти суды создаются по образцу Суда ЕС. Тем не менее сегодняшняя практика региональных судов экономической интеграции показывает, что даже полное копирование структуры и полномочий Суда ЕС не означает автоматического успеха судов интеграционных объединений, которые показывают разные результаты и в большинстве своем не играют существенной роли в региональной интеграции. Это можно объяснить тем, что суды интеграционных объединений создаются и действуют по тем же правилам, что и остальные международные суды, главное из которых можно сформулировать так: государства создают суды для достижения собственных целей и будут работать с ним до тех пор, пока плюсы от такого сотрудничества перевешивают минусы. Успех любого международного суда зависит не столько от его первоначального дизайна и компетенции, сколько от различных факторов, среди которых в первую очередь нужно упомянуть готовность государств и их национальных судов работать с международным судом, позицию самого суда, ее реализм, прагматичность, аргументированность, оценку последствий того или иного решения.

Ключевые слова

интеграционное правосудие, интеграция, международные суды, Суд ЕС, Суд ЕАЭС, судебный контроль, акты общего применения.

Библиографическое описание: Исполинов А.С. Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 105–120.

JEL: К 33; УДК: 341

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.105.120

Активное создание государствами самых разнообразных международных судов начиная с 1990-х годов, причины и результаты этого процесса активно освещаются не только в зарубежной, но и в отечественной литературе¹. Интерес исследователей к вопросам международного правосудия постоянно возрастает на фоне активного взаимодействия России с Европейским судом по правам человека, а также создания с непосредственным участием Российской Федерации сначала Суда Евразийского экономического сообщества (2012–2015), а затем и Суда Евразийского экономического союза. Однако в последнее время появились публикации и учебные пособия, в названии которых используется броский, если не модный и новый для отечественной науки международного права термин «интеграционное правосудие», который ассоциируется в первую очередь с успешной деятельностью Суда ЕС. Причем, судя по тексту этих публикаций, смысловой подтекст данного термина, равно как и термина «интеграционное право», вполне очевиден — интеграционное правосудие представляется как явление настолько новое и прогрессивное, что его можно даже противопоставить международному правосудию.

Так, по мнению одного из сторонников этой концепции — С.Ю. Кашкина, интеграционное правосудие — это «особая разновидность международного правосудия, которое по мере своего развития и распространения приобретает многие оригинальные черты, в том числе и заимствуемые из судебных систем суверенных государств»². При этом никак не поясняется, о каких особенностях интеграционного правосудия, отличающих его от международного правосудия, идет речь, в чем состоит их оригинальность, что именно заимствуется из национальных судебных систем, причем только интеграционными судами, но не международными. При таком подходе отсутствие какой-либо методологии, подкрепленной к тому же эмпирическими данными, которых сейчас более чем достаточно, приводит к тому, что список интеграционных судебных учреждений представляет собой произвольный набор различных международных судов и формируется исходя из пристрастий и предпочтений конкретного автора.

В свою очередь А.О. Четвериков пишет, что «интеграционное правосудие связано с созданием и деятельностью интеграционных объединений государств в экономической и других сферах жизни», и далее приводит список таких объединений, куда, по его мнению, входят ЕС, африканские интеграционные объединения, МЕРКОСУР, ЕАЭС, ВТО, и другие³. Однако тогда необходимо пояснить, чем именно отличаются экономические интеграционные объединения от других форм межгосударственного экономического сотрудничества. Без понятных объективных критериев, подтверждаемых практикой, мы опять-таки получаем произвольный набор, где смешано в кучу все и ставится знак равенства между экономической интеграцией и межгосударственным экономическим сотрудничеством.

¹ Alter K. The New Terrain of International Law. Courts. Politics. Rights. Princeton, 2014; The Oxford Handbook of International Adjudication. Oxford, 2014; Толстых В.Л. Формирование системы международного правосудия. М., 2015; Шинкарецкая Г.Г. Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров. М., 2009; Сумбатян А. Решения органов международного правосудия системе международного публичного права. М., 2012.

² Кашкин С.Ю. Интеграционное правосудие: сущность и перспектива. М., 2017. С. 7; Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Интеграционное правосудие в современном мире. Основные модели. М., 2016.

³ Четвериков А.О. Гарантии независимости органов правосудия интеграционных объединений современных государств: сравнительно-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 161.

Более радикальна в оценках Е. Рафалюк, противопоставляющая интеграционные суды судам международным, утверждая, что «латиноамериканские суды и другие суды интеграционных объединений обладают особой правовой природой. Суды учреждаются в целях обеспечения и продвижения интеграции. Суды интеграционных объединений обладают наднациональными полномочиями»⁴. К сожалению, что это за «наднациональные полномочия», которые отличают интеграционные суды от судов международных, не раскрывается.

При том, что дискуссия об интеграционном правосудии имеет исключительно российское происхождение и локализацию (в зарубежной литературе Суд ЕС и суды других интеграционных объединений всегда рассматривались в качестве составной части международного правосудия), терминологическая и методологическая невнятность концепции интеграционного правосудия не только затрудняет адекватную оценку международных судов в целом, но и содействует появлению иллюзий, создающих искаженное восприятие деятельности и результатов судов интеграционных объединений государствами и научным сообществом. На опасность увлечения такой «интеграционной лексикой» красочно указал А.В. Клемин в недавних полемических статьях, открыто предупреждая, что такая терминология порождает сверхвысокие, но не сбывающиеся ожидания⁵.

На наш взгляд, анализ причин появления и особенностей судов интеграционных объединений нужно начинать с определения, *что* именно мы понимаем под интеграцией и чем интеграция принципиально отличается от обычного межгосударственного сотрудничества.

Интеграция как особая форма межгосударственного экономического сотрудничества и свойственные ей механизмы разрешения споров

Знакомство с публикациями отечественных исследователей показывает отсутствие консенсуса о значении термина «интеграция». Так, по мнению Ю.С. Безбородова, применительно к международному праву интеграция представляет собой более высокий уровень взаимодействия между государствами и иными субъектами, когда участники данного процесса отчуждают часть своего суверенитета в пользу наднациональных органов⁶. В.Е. Чиркин пишет о «массовом создании интеграционных объединений» в

⁴ Рафалюк Е.Е. Решения судов интеграционных объединений Латинской Америки как форма унификации международного частного права: автореф. дис... к. ю. н. М., 2010. С. 10, 11. Автор пишет, что суды интеграционных объединений отличаются от международных судов по следующим основаниям: 1) применимым правом при разрешении споров является унифицированное право сообщества (коммунитарное право); 2) основанием для обращения в суд сообщества является нарушение нормы коммунитарного права; 3) правом на обращение в суд обладают публичные правовые образования (государства-участники интеграционного объединения, организации, органы интеграционного объединения) и частные лица (физические и юридические); 4) юрисдикция суда интеграционного объединения является обязательной для государств-членов интеграционного сообщества.

⁵ Так, по мнению А.В. Клемина, понятия «наднациональность», «интеграция», «партнерство» и т.п. можно произносить как мантру, но в числе юридических понятий и терминов они не значатся. Даже ключевое слово «интеграция» требует конвенционной расшифровки. Это вдвойне удивительно, ибо даже оно не юридизировано и до сих пор бессодержательно. Государства ни в одной евроконвенции не расшифровывают «интеграцию». Клемин А.В. Имиджевые эпитеты терминами не являются // Современная Европа. 2015. № 5. С. 141–154.

⁶ Безбородов Ю.С. Международно-правовая интеграция: подходы к пониманию феномена // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 62–63. Далее он дает детальное определение: «Международно-

результате глобализации, опять-таки не уточняя, что следует понимать под словом «интеграционный». Это дает ему основание причислять к разряду интеграционных объединений помимо Европейского союза, такие типично межгосударственные объединения как ОБСЕ, БРИКС, Совет Европы, ШОС⁷.

Другие утверждают, что под интеграционным объединением нужно понимать группу государств, объединенных на основе международного договора для достижения целей интеграции⁸. Такой подход вряд ли можно считать продуктивным, так как здесь мы видим круг в определении — определяющее понятие разъясняется через определяемое понятие. Подобный подход опять-таки открывает возможность применения термина «интеграционный» к таким межгосударственным объединениям, как НАФТА, ВТО и другим, которые государства, их создавшие, никогда и не помышляли назвать интеграционными. Именно знак равенства между интеграцией и сотрудничеством государств позволил Р. Курбанову только в евразийском регионе насчитать сразу 15 действующих интеграционных структур⁹.

В нашем понимании интеграция — особая форма межгосударственного сотрудничества, в первую очередь, в сфере экономики и имеющая вполне четкое и понятное региональное применение. Используемые в сегодняшней практике государствами подходы к региональному экономическому сотрудничеству можно разделить на две группы. Первая и самая большая группа — соглашения о зонах свободной торговли, в которых полностью устраняются либо радикально снижаются таможенные тарифы на торговлю между странами этой зоны. При этом страны сохраняют право самостоятельно регулировать торговые отношения и таможенные тарифы с третьими странами. К подобной группе относятся такие экономические объединения, как Североамериканская ассоциация свободной торговли (НАФТА), Карибская ассоциация свободной торговли (КАФТА), а также Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) на ранних этапах своего существования. Эти объединения основаны на горизонтальном межгосударственном сотрудничестве, они, как правило, не являются субъектами международного права, в них отсутствуют органы, наделенные правом принимать обязательные и действующие напрямую в национальных правовых порядках решения, координирующая роль выполняется небольшим секретариатом.

Из-за того, что нет необходимости в судебном контроле за решениями органов этих объединений, нет потребности и в постоянно действующем суде, наделенном такой компетенцией. Отсюда и возможность возникновения либо межгосударственных споров, либо споров частных лиц (инвесторов) с государством, и рассмотрение таких споров только *ad hoc* арбитражами. Однако как показала 20-летняя практика, арбитражное рассмотрение межгосударственных споров практически не используется. Так, арбитра-

правовая интеграция — это процесс объединения правовых систем с помощью международно-правовых средств с целью достижения единообразия правового регулирования, связанный с деятельностью правосоздающих субъектов в международном праве, проходящий на универсальном и региональном уровнях с использованием специфичных правовых методов и в разных формах» (там же. С. 66).

⁷ Чиркин В.Е. Наднациональное право: основные особенности // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 131.

⁸ Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 154–168; Еришов С. Правовые особенности формирования наднациональной власти ЕС в процессе взаимодействия права ЕС и национального права государств-членов: автореф. дис... к. ю. н. М., 2003.

⁹ Курбанов Р.А. Евразийское право: процессы формирования // Государство и право. 2015. № 9. С. 71.

жами в рамках главы XX НАФТА (которая как раз и предусматривает основной механизм для разрешения споров между государствами-членами) было рассмотрено всего три межгосударственных спора¹⁰. В дальнейшем члены НАФТА при разрешении споров между собой стали отдавать предпочтение Органу по рассмотрению споров ВТО в силу его авторитета, богатой и устоявшейся практики и апелляционного рассмотрения, и чьи решения выглядят гораздо более легитимными¹¹. Наиболее активно используется механизм арбитражного рассмотрения споров между инвесторами и государствами, отличительной особенностью которого является то, что арбитраж, рассматривая жалобу инвестора на те или иные внутригосударственные акты государств, не решает вопроса об отмене (аннулировании) этих актов, а лишь принимает решение о выплате инвестору компенсации. За период с 1995 по 2015 гг. в рамках НАФТА было рассмотрено 77 таких споров¹².

Отсутствие постоянно действующего суда в создаваемой зоне свободной торговли не дает возможности передать ему полномочия по контролю как за исполнением вынесенных арбитражами решений, так и за исполнением государствами своих обязательств по региональным соглашениям. Эта проблема решается через так называемые «горизонтальные» контроль и принуждение, когда сами государства контролируют исполнение и сами же принимают меры по принуждению государства-нарушителя к исполнению своих обязательств, используя санкции (по подобию контрмер в ВТО).

Кроме того, немногочисленность секретариата в таких экономических организациях делает вопрос о трудовых спорах сотрудников неактуальным, и в отсутствие постоянно действующего собственного суда для разрешения таких споров привлекаются административные трибуналы МОТ или ООН (происходит своеобразный аутсорсинг системы разрешения трудовых споров). Из-за того, что в таких объединениях не создаются наднациональные органы, наделенные властными полномочиями по принятию решений, в том числе и общего характера, а также по контролю за соблюдением государствами их обязательств, отсутствуют споры между институтами этого объединения и государствами, а также между институтами и частными лицами.

В этом отношении показательна судьба СНГ и созданного в его рамках Экономического Суда. С точки зрения экономического сотрудничества СНГ осталось зоной свободной торговли, поэтому созданный в 1992 г. Экономический Суд, обладающий к тому же факультативной юрисдикцией, оказался невостребованным, если не избыточным элементом в этой конструкции. Поэтому неудивительно, что в последние годы члены СНГ рассматривали перспективы этого Суда, включая его закрытие. Судя по всему, на данный момент возобладали промежуточная точка зрения, состоящая в том, чтобы Суд сохранить, но перевести его в режим *ad hoc*, т.е. собирающийся только при появлении какого-либо обращения в Суд. На постоянной основе будут действовать только Председатель Суда и Секретариат из трех сотрудников. Формулировка о реестре судей, который должен быть

¹⁰ Механизм рассмотрения межгосударственных споров, предусмотренный главой XX, был использован один раз для рассмотрения спора между Канадой и США, и дважды для рассмотрения споров между Мексикой и США. Помимо этого, Мексика прибегла к данной процедуре в процессе спора с США по сахару, однако панель арбитров так и не была сформирована. См.: *Mestral A. NAFTA dispute settlement: creative experiment or confusion / Regional Trade Agreements and the WTO legal system. P. 363–364.*

¹¹ *Davey W. Dispute settlement in the WTO and RTAs: a comment. Ibid. P. 354–355.*

¹² *Sinclair S. NAFTA Chapter 11 Investor-State Disputes.* [Электронный ресурс]: // URL: https://www.policalternatives.ca/sites/default/files/uploads/publications/National%20Office/2015/01/NAFTA_Chapter11_Investor_State_Disputes_2015.pdf (дата обращения: 20.05.2017)

сформирован, наводит на мысли о решении трансформировать суд в подобие институциональной структуры для де-факто арбитражного рассмотрения споров, когда стороны будут сами выбирать судей для участия в рассмотрении конкретного спора¹³.

Вторая группа возможных форм межгосударственного сотрудничества представлена в первую очередь региональными экономическими объединениями, которые предусматривают именно интеграцию в определенных областях, начиная, как правило, с создания таможенных союзов. В этом случае речь уже идет не только о ликвидации таможенных барьеров внутри таможенного союза, но и о передаче властных полномочий по регулированию торговли с третьими странами специальному наднациональному органу (Комиссия в ЕС, ЕЭК в ЕАЭС). Передаваемые государствами полномочия обязательно включают в себя право институтов союза в рамках своих полномочий принимать общеобязательные нормативные акты, замещающие соответствующие национальные нормы и подлежащие применению всеми субъектами внутреннего права государств-членов такого объединения (в ЕАЭС это, например, решения ЕЭК, Таможенный кодекс Таможенного Союза, в ЕС — регламенты Совета и Европарламента).

Именно этот критерий — передача на уровень институтов объединения полномочий по принятию нормативных актов общего применения, непосредственно регулирующих правоотношения в государствах-членах объединения и применяемых их национальными судами при разрешении споров — и является основным отличительным признаком интеграционных объединений от иных форм межгосударственного экономического и иного сотрудничества. Справедливости ради надо сказать, что точка зрения автора в некоторой степени созвучна оценкам, данным судьей Суда ЕАЭС Т.Н. Нешатаевой в одной из работ, где она утверждает, что «государства, создающие организацию нового типа, передают международному органу свои суверенные функции, затрагивающие само ядро властных полномочий по управлению территорией, населением и взаимоотношениями с другими акторами международной жизни... правомочие устанавливать правила поведения, обязательные для физических и юридических лиц государств-членов организации»¹⁴.

Наличие у институтов межгосударственного объединения полномочий на принятия актов общего применения (по сути, законодательных полномочий) также можно считать основным отличительным признаком наднациональности, о которой до сих пор идут споры в нашей литературе¹⁵, хотя за рубежом эта дискуссия давно утихла. Именно отсутствие полномочий такого рода не позволяет отнести к интеграционным объединениям такие организации, как ВТО или Совет Европы, равно как и НАФТА, КАФТА, БРИКС, ШОС, ОБСЕ, а соглашения и конвенции, лежащие в основе этих объединений, называть «интеграционным правом» (если только мы не смешиваем полностью термины «межгосударственное сотрудничество» и «интеграция»).

¹³ Проект Протокола о внесении изменений в Соглашение о статусе Экономического Суда Содружества Независимых Государств от 6.07.1992 (одобрен на заседании Совета министров иностранных дел СНГ, Ташкент, 7.04. 2017)

¹⁴ *Нешатаева Т.Н.* Интеграция и наднационализм // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 2. С. 244.

¹⁵ *Чиркин В.Е.* Наднациональное право: возникновение, содержание, действие // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 18–25; *Дорская А., Дорский А.* Международные интеграционные организации и проблема формирования наднационального права // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 105–110.

Объем и характер передаваемых государствами в рамках интеграционных объединений полномочий заставляет их задуматься о создании эффективного контроля за правомочностью нормативных актов, принимаемых институтами интеграционных объединений. Возлагать эти полномочия на национальные суды государств-членов — значит получить разногласия и убить интеграционный проект в самом начале. По сути, государства, создавая такие объединения, оказываются перед выбором — либо контроль со стороны постоянно действующего и независимого от государств органа, либо никакого контроля вообще, что чревато вполне понятными рисками. Опыт того же Европейского союза, воспринимаемый сегодня обычно как эталон при создании региональной организации экономической интеграции, показывает, что оптимальным решением является создание постоянно действующего суда, основной задачей которого и будет являться осуществление такого контроля. Как правило, в ходе процедуры оспаривания таких актов суд имеет право их аннулировать, выступая таким образом в роли «негативного законодателя».

В силу того, что нормативные акты общего применения, принимаемые институтами интеграционных объединений, действуют непосредственно в национальных правовых порядках стран-членов и применяются всеми субъектами национального права, возникает вопрос о возможности их обжалования частными лицами, интересы которых затрагивают данные нормативные акты. Полностью лишать частных лиц доступа в создаваемый суд — значит вынуждать их обращаться для защиты своих прав в национальные суды (в том числе и конституционные). Это может вылиться не только в различное толкование нормативных актов, но и, в экстремальном случае, в отказ признавать их действие в национальном правовом порядке той или иной страны. Поэтому государства при создании судов интеграционных объединений предусматривают в том или ином варианте доступ частных лиц к процедуре обжалования нормативных актов этих объединений.

С другой стороны, наличие нормативных актов общего применения, которые должны использоваться национальными судами стран интеграционного объединения, делает более чем актуальной проблему единообразного толкования и применения таких актов в национальных правовых порядках. Разнобой в толковании и применении нормативных актов может самым серьезным образом осложнить интеграционные процессы. Чтобы этого избежать, практически все интеграционные объединения заимствуют опыт Суда ЕС и наделяют создаваемый суд правом рассматривать преюдициальные запросы, направляемые национальными судами, обеспечивая тем самым некие руководящие указания всем судам стран-членов объединения.

Наличие постоянно действующего суда позволяет также совершенно по-другому подходить к контролю за исполнением вынесенных судом решений. Вместо горизонтального контроля становится возможным контроль вертикальный, который осуществляется исполнительным органом интеграционного объединения. При выявлении факта неисполнения государством своих обязательств или решения суда вопрос снова передается на рассмотрение суда, который вправе наложить на государство финансовые санкции (штрафы, пени), как в случае с Судом ЕС.

Передача существенных полномочий на уровень институтов интеграционного объединения требует значительного персонала, работающего в этих органах. Наличие постоянного суда позволяет передать эти вопросы на рассмотрение суда и не прибегать к аутсорсингу в виде административных трибуналов системы МОТ и ООН.

Завершая общие рассуждения о постоянных судах как основном механизме разрешения споров в интеграционных объединениях, можно упомянуть о примерах, когда

сотрудничество в форме зоны свободной торговли постепенно перерастает в таможенный союз, что требует уже создания постоянного суда. Например, в том же МЕРКОСУР¹⁶ его созданным недавно Парламентом утвержден проект Протокола о создании Суда МЕРКОСУР. Другой, более близкий нам пример, — это процесс создания Суда ЕврАзЭС, предусмотренного Договором об учреждении Евразийского Экономического Сообщества (2000). Суд ЕврАзЭС был создан в 2012 г. только после того, как в 2009 г. тремя государствами-членами ЕврАзЭС (Россией, Казахстаном и Беларусью) внутри Сообщества был образован Таможенный союз, что объективно потребовало постоянного судебного контроля за нормативными актами общего применения, принимаемыми Комиссией Таможенного Союза. Более того, за все три года существования Суда ЕврАзЭС (2012–2015) он де-факто действовал именно как суд Таможенного Союза, имея в своем составе судей только из стран-членов Союза и рассматривая дела, почти исключительно связанные с актами Комиссии Союза.

Суды региональных интеграционных объединений как отдельная группа международных судов

При таком подходе интеграционное правосудие (если правомерен этот термин) можно и нужно свести к деятельности судов интеграционных объединений, которые сегодня создаются по модели Суда ЕС. К числу таких судов относят Суд Бенилюкса (1974), Трибунал Андского сообщества (1984), Суд Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) (1994), Суд УЕМОА (Восточноафриканского экономического и валютного союза) (1995), Суд Общего рынка восточноафриканских стран (COMESA) (1998), Суд Восточноафриканского сообщества (ЕАС) (2001), Суд Экономического сообщества восточноафриканских стран (ECOWAS) (2002), Трибунал Южноафриканского сообщества развития (SADC) (1992), Суд ЕАЭС (2015) — всего 11 судов. Некоторые из них, например, Трибунал Андского сообщества, являются 100% копией Суда ЕС, что не удивительно, так как при его создании активную роль играли советники из ЕС, в число которых входили бывшие судьи и генеральные адвокаты Суда ЕС.

На наш взгляд, все эти суды интеграционных объединений являются международными судами, образуя среди них особую группу за счет той компетенции, которая есть только у них, — право судебного контроля за актами, принимаемыми институтами интеграционных объединений. Вместе с тем суды интеграционных объединений, являясь важной частью складывающейся во многом стихийно системы международного правосудия, подчиняются тем же правилам, которые применяются ко всем остальным международным судам. Если использовать широко известный перечень общих признаков, которым должны отвечать международные суды, то суды интеграционных объединений им полностью отвечают. Эти суды: (а) являются постоянно действующими судебными органами, созданными до появления рассматриваемого ими спора; (б) созданы на основании международных договоров или иных международно-правовых документов¹⁷;

¹⁶ МЕРКОСУР, т.е. Южноамериканский общий рынок, был создан первоначально именно как зона свободной торговли, но по мере его перерастания в подобие таможенного союза механизм разрешения споров также стал эволюционировать в сторону создания постоянного суда по модели Суда ЕС.

¹⁷ Так, Ч. Романо справедливо отмечает, что Суд первой инстанции ЕС был создан решением Совета министров ЕС (Council Decision of 24 October 1988 establishing a Court of First Instance of the European Communities OJL 319. 25.11.1988. P. 1–8). В свою очередь международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и по Уганде были созданы на основании резолюций Совета Безопасности ООН

(в) действуют на основании утвержденных заранее правил процедуры; (г) дела в них разрешаются специально назначенными на длительный срок независимыми и профессиональными судьями; (д) применяют при рассмотрении дел нормы международного права (права своего межгосударственного объединения), а не нормы национального права; (е) их решения обязательны для сторон спора, как минимум одной из которых должно быть государство или международная организация.

Все эти суды, за исключением Суда Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), создавались именно для рассмотрения споров в отношении нормативных актов, принимаемых институтами своего интеграционного объединения. Но даже исключение с Судом ЕАСТ лишь подтверждает правило. Европейская Ассоциация свободной торговли была создана в 1960 г. как зона свободной торговли и, как уже пояснялось в самом начале, при таком подходе никакой суд был не нужен. Однако Суд ЕАСТ все же появился в 1994 г. и не от хорошей жизни. К этому времени страны-члены ЕАСТ признали поражение своего проекта в конкуренции с ЕС и были вынуждены заключить соглашение с ЕС о создании Европейского экономического пространства (European Economic Area — ЕЕА)¹⁸. В рамках этого соглашения страны ЕАСТ стали, по сути, безмолвными реципиентами норм права ЕС в отношении общего рынка, не имея при этом возможности принимать участие в их создании. Именно поэтому Суд ЕАСТ был создан только с целью рассмотрения споров о соблюдении ее членами распространяемых отныне на них норм ЕС, но не для контроля за нормативными актами ЕС. Нормативные акты ЕС, что вполне логично, можно оспорить только в Суде ЕС. По той же причине Суд ЕАСТ лишен права рассматривать преюдициальные запросы национальных судов тех стран ЕАСТ, которые вошли в Единое экономическое пространство, а только их просьбы о консультативных заключениях. Однако при реализации своих консультативных полномочий Суд ЕАСТ обязан толковать применимое право в строгом соответствии с решениями Суда ЕС.

Такое делегирование государствами судам интеграционных объединений не только традиционных для международных судов функций рассмотрения споров и контроля за исполнением государствами своих обязательств по договору (установление фактов нарушения), но и крайне важной функции по контролю за нормативными актами общего применения, принимаемыми институтами этого объединения, сближает эти суды с национальными конституционными судами (по мнению Г.Г. Шинкарецкой, суды интеграционных объединений обладают качествами квазиконституционных судов¹⁹). Отменяя тот или иной нормативный акт, суды интеграционного объединения, так же, как и национальные конституционные суды, действуют в качестве негативного законодателя²⁰, становясь активными участниками политического и законодательного процес-

(S.C. Res. 827 U.N. Doc. S/RES/827 (May 25, 1993); S.C. Res. 955, U.N. Doc. S/RES/955 (Nov 8, 1994)). См.: Romano C. The Proliferation of International Judicial Bodies: The Pieces of the Puzzle // *New York University Journal of International Law and Policy*. 1998. Vol. 31. P. 714.

¹⁸ The Agreement on the European Economic Area. OJ. NoL 1.3.1.1994. P. 3.

¹⁹ Шинкарецкая Г.Г. Классические международные суды и их роль в поддержании правопорядка // *Современное право*. 2012. № 12. С.125.

²⁰ Термин «негативный законодатель» заимствован из работ Г. Кельзена, который заложил основы современного конституционного правосудия, предложив модель, предусматривающую создание специализированного института — конституционного суда. Этот суд должен был отвечать за соответствие конституции законов, принимаемых парламентом, выступая в роли «негативного законодателя». Kelsen H. *Judicial Review of Legislation: A Comparative Study of the Austrian and the American Constitution*// *The Journal of Politics*. No. 2. P. 187.

сов. Если к этому прибавить, что в ряде интеграционных объединений суды наделены компетенцией (либо четко прописанной в документах о создании суда, как в случае с Судом COMESA и Судом ЕАС, либо имплицитной, как в случае с Судом ЕС) по контролю за актами национальных властей в определенных областях, то мы получаем потенциально крайне влиятельное судебное учреждение.

Все эти суды (за исключением Суда ECOWAS и Суда ЕАЭС) наделены правом принимать преюдициальные заключения в ответ на запросы национальных судов. На сегодня главной функцией Суда ЕС является выдача преюдициальных заключений на запросы национальных судов (в 2016 году Суд ЕС вынес 453 решения в форме преюдициальных заключений, что составило 64% от общего количества решений за год)²¹. У Трибунала SADC и у Суда ЕАС право давать преюдициальные заключения не подкреплено обязанностью национальных судов запрашивать такие заключения.

Кроме того, во многих региональных объединениях доступ частных лиц в создаваемые суды в целом более либерален, чем в Суде ЕС, при этом отличаясь в деталях. Суды ЕАС и COMESA могут рассматривать жалобы только частных лиц-резидентов стран-членов этих объединений. Кроме того, для обращения в Суд COMESA и в Трибунал SADC частным лицам необходимо исчерпать доступные национальные средства защиты.

В качестве одного из аргументов в пользу особенности интеграционного правосудия приводится факт наличия многозвенной судебной системы в Европейском союзе (которая еще недавно состояла из Трибунала по гражданской службе, Суда общей юрисдикции и Суда ЕС), что вызывает ассоциации с национальной судебной системой. Однако даже в Европейском союзе это в первую очередь функциональная многозвенчатость: споры одной категории должны рассматриваться в Суде общей юрисдикции, трудовые споры — в трибунале по гражданской службе (до 2016 г.), споры между государствами и институтами ЕС, а также преюдициальные запросы национальных судов — только в Суде ЕС. Это мало напоминает национальную судебную систему, где все споры должны проходить через все инстанции. Кроме того, многозвенчатость, которую не следует путать с наличием в том или ином суде апелляционной палаты или апелляционного производства, есть только в Европейском союзе и нигде больше. Поэтому эта похожесть лишь внешняя, что лишает данный аргумент убедительности.

Еще один аргумент сторонников концепции интеграционного правосудия состоит в том, что суды интеграционных объединений применяют к государствам, не исполняющим их решения, различные меры принуждения (например, финансовые санкции в случае Суда ЕС), что также должно сближать эти суды с национальными судами. Однако международные суды и суды национальные создаются и действуют в совершенно разной обстановке, и проводить какие-либо аналогии и, тем более, строить на этом выводы было бы чрезвычайно рискованно. Для национальных судов вопрос исполнения их решений — залог сохранения эффективной судебной системы, да и всего государства. Для принуждения в этом случае в каждой стране существует служба судебных приставов, аналога которой нет на международном уровне, в том числе и в интеграционных объединениях. Для судов международных сама возможность принятия мер принуждения и их набор определяются государствами при создании судов. Некоторые интеграционные объединения вообще не предусматривают мер принуждения, как, например, ЕАЭС или тот же ЕС до 1993 г. (а в случае с преюдициальными заключениями Суда ЕС — по сей день).

²¹ Court of Justice of the European Union Annual Report 2016. P. 91.

Проблемы судов интеграционных объединений

Очевидный на сегодня парадокс состоит в том, что даже полное заимствование структуры и компетенции Суда ЕС не означает автоматического успеха суда того или иного интеграционного объединения. Значительная часть таких судов не играет заметной роли в региональной интеграции, например, суды в Африке занимаются по большей части вопросами прав человека и спорами служащих²². Оправдались прогнозы тех скептиков, которые выражали сомнения в успехе переноса моделей успешных европейских судов (ЕСПЧ и особенно Суда ЕС) в другие регионы мира, которые отличаются от Европы не только уровнем экономического развития, но и степенью зрелости политической системы, традициями уважения к суду и к верховенству права²³. Наиболее активно процедура аннулирования актов институтов интеграционного объединения используется в Европейском союзе, значительно реже — в Андском сообществе и еще не использовалась в судах африканских интеграционных объединений.

Хотя практически все суды интеграционных объединений уполномочены рассматривать преюдициальные запросы национальных судов (ряд авторов именно в преюдициальных запросах видел особую привлекательность модели Суда ЕС для других интеграционных объединений²⁴), на практике нигде, кроме ЕС и Андского Сообщества (в заметно усеченном варианте и, в большинстве случаев, по вопросам интеллектуальной собственности), активного диалога между региональными и национальными судами не существует. Главной причиной полного отсутствия какого-либо диалога между национальными и региональными судами является игнорирование нормативных актов интеграционных объединений странами-членами, в первую очередь, их национальными судами. Как пишет один из исследователей, «ограниченная политическая и судебная поддержка привела к тому, что копии Суда ЕС на практике напоминают Суд ЕС в 1950–1960-е годы, нежели Суд ЕС в наши дни»²⁵.

Другая причина слабости судов региональной интеграции в том, что им не дают вернуться государства-члены интеграционного объединения, которые, хотя и понимают необходимость создания такого суда, зачастую не хотят допустить его трансформации в такого политически влиятельного игрока, каким стал Суд ЕС. Все без исключения государства сделали выводы из истории становления и успеха Суда ЕС, и второго такого суда, сравнимого по влиянию с Судом ЕС, в ближайшее время мы не увидим. Государства научились оценивать риски, ассоциируемые с международными судами, и стараются принять как превентивные, так и последующие меры по сдерживанию судов.

Кроме того, суды интеграционных объединений, так же как и остальные международные суды, действуют ровно в тех границах, которые им отвели государства. Государства могут не только раздвинуть или сузить эти границы, они могут в принципе изменить правила, упразднив суд, что совершенно невозможно себе представить в случае с национальными судами, где попытка ограничить или закрыть суды может быть сразу

²² *Osiemo O. Lost in Translation: The Role of African Regional Courts in Regional Integration in Africa // Legal Issues of Economic Integration. 2014. N 1. P. 100.*

²³ *Alvarez J. The New Dispute Settlers: (Half) Truths and Consequences // Texas international law journal. 2003. Vol. 38. P 430.*

²⁴ *Baudenbacher C. Judicialization: Can the European Model Be Exported to Other Parts of the World // Texas International Law Journal. 2004. Vol. 39. P. 397.*

²⁵ *Alter K. The Global Spread of European Style International Courts // West European Politics. 2012. No 1. P. 151.*

приравнена к установлению диктатуры. Именно с такими ответными действиями проигравших в суде государств столкнулись Трибунал SADC (чья деятельность была приостановлена в 2010 г.²⁶ после решения Трибунала против правительства Зимбабве)²⁷, Суд ECOWAS после решения против Нигерии²⁸ и Суд ЕАС после решения против Кении²⁹ (в двух последних случаях попытки ограничить юрисдикцию судов не получили поддержки других стран-участниц интеграционных объединений³⁰).

Сегодняшняя практика международного правосудия показывает, что помимо таких явно авторитарных методов государства используют более тонкие инструменты сдерживания активности и роста авторитета судов. Среди них можно указать:

(а) отказ государств и институтов интеграционного объединения принимать нормативные акты, которые можно оспаривать в судах, устраняя тем самым базу возможных исков;

(б) отказ самих государств и институтов от обращения в суд, а также различные варианты ограничения доступа в суд частных лиц как наиболее активных истцов (в тот же Суд ECOWAS частные лица могут обращаться только с жалобами на нарушения прав человека, но не по вопросам экономической интеграции, а в Трибунал SADC частные лица могли обратиться только после исчерпания национальных средств судебной защиты). Тогда суд не получает возможности влиять на развитие экономической интеграции через свои решения;

(в) готовность государств и институтов объединения терпеть нарушения, допускаемые другими государствами-членами, включая неисполнение решений судов, что заведомо исключает мотивацию потенциальных заявителей обращаться в суд за защитой своих прав. Например, 60% решений Суда ECOWAS остаются до сих пор не исполненными³¹;

(г) скепсис и нежелание национальных судов воспринимать суд, работать с ним и использовать его решения и доктрины при толковании и применении нормативных актов, издаваемых институтами объединения.

Весьма показательна в этом отношении институциональная неудача Андского Трибунала, судебного органа Андского сообщества, и второго по активности суда интеграционного объединения после Суда ЕС. Национальные суды ряда стран-членов Сообщества проявили как минимум пассивность (если не саботаж!) как в обращении с преюдициальными запросами в Трибунал (за всю историю Андского сообщества из венесуэльских судов пришло только 2 запроса, из судов Боливии — только один³²), так и с применением

²⁶ Подробнее об этом см.: *De Wet E.* The Rise and Fall of the Tribunal of the Southern African Development Community: Implications for Dispute Settlement in Southern Africa // *ICSID Review*. 2013. P. 1–19.

²⁷ SADC Tribunal, *Mike Campbell (Pvt) Ltd and Others v. Republic of Zimbabwe*.

²⁸ ECOWAS Court, *SERAP v. Federal Republic of Nigeria*, ECW/CCJ/JUD/18/12, 14 Dec. 2012.

²⁹ В этом решении Суд ЕАС установил, что порядок проведения правительством Кении выборов в законодательную Ассамблею Восточноафриканского Сообщества нарушает учредительные договоры Сообществ. ЕАСJ. *Prof. Peter Anyang' Nyong'o and Others vs the Attorney General of Kenya and Others*, Reference No. 1 of 2006 [Электронный ресурс]: URL: // www.eacj.org/docs/judgements/EACJ_Reference_No_1_2006.pdf (дата обращения: 20.06.2017).

³⁰ Подробнее об этом см.: *Alter K., Gathii J., Helfer L.* Backlash against International Courts in West, East and Southern Africa: Causes and Consequences // *The European Journal of International Law*. 2016. No. 2. P. 293–328.

³¹ *Lokulo-Sodipe J., Osuntogun A.* The quest for a supranational entity in West Africa can the Economic Community of West Africa attain the status? // *Electronic Law Journal*. 2013. Vol. 16. No 3. P. 269.

³² *Alter K., Helfer L.* The Andean Tribunal of Justice and Its Interlocutors: Understanding Preliminary Reference Patterns in the Andean Community // *Journal of International Law and Politics*. 2009. Vol. 41. P. 889.

национальными судами норм Сообщества вместо противоречащих им национальных норм при разрешении дел. Это не позволило Трибуналу повторить путь Суда ЕС и стать двигателем региональной интеграции, а само Андское сообщество с большим трудом завершило создание таможенного союза с многочисленными изъятиями³³.

Крайне трудным для судов интеграционных объединений оказался вопрос об исполнении принятых ими решений, даже если документы о создании суда содержали положения о мерах принуждения к государствам, игнорирующим решения суда. Если такие меры все же разрешены, то вопрос, применять ли их становится, как правило, чувствительной политической проблемой для международного суда и для государств-членов. Можно напомнить, что большинство решений Суда ECOWAS (пожалуй, наиболее успешного из судов африканских интеграционных объединений) в отношении Нигерии (самой крупной страны этого объединения) не были выполнены, и за этим не последовало наказания. Да и история ЕС знает немало примеров многолетнего сопротивления государств решениям Суда ЕС. Противостояние Франции и Суда ЕС из-за решения Суда по делу *French Fisheries I*³⁴ продолжалось более 14 (!) лет. При этом сама Комиссия признает, что даже самые жесткие санкции решают далеко не все. В 2015 г. на контроле у Комиссии было 7 дел, где исполнение так и не наступило даже после применения Судом ЕС финансовых санкций к государству-нарушителю³⁵.

Еще одним фактором, объясняющим неэффективность региональных судов, является крайняя непоследовательность африканских государств в вопросах участия в том или ином региональном объединении. Почти все они состоят как минимум в двух региональных объединениях (например, все восемь членов UEMOA являются также членами ECOWAS, из пяти государств-членов Восточноафриканского Сообщества (EAC) четыре состоят в COMESA, а еще одно (Танзания) является одновременно членом SADC).

Выводы

Отличительной особенностью региональных интеграционных объединений является во-первых передача государствами-членами властных полномочий институтам этих объединений, в том числе и в части принятия общеобязательных нормативных актов, регулирующих соответствующие правоотношения между всеми субъектами внутреннего права и применяемые при разрешении споров национальными судами. Именно эта особенность интеграционных объединений и отличает их от других форм межгосударственного экономического и политического сотрудничества, таких, как зоны свободной торговли (НАФТА, КАФТА, МЕРКОСУР), ВТО, Совет Европы, СНГ.

Во-вторых, основным критерием, который выделяют суды интеграционных объединений из остальных международных судов, является наличие свойственной только этим судам компетенции осуществлять судебный контроль за принимаемыми институтами интеграционных объединений нормативными актами общего характера, подлежащими применению в национальных правовых порядках государств-членов всеми субъектами права и национальными судами. Вместе с тем, суды интеграционных объединений создаются и действуют по тем же правилам, что и остальные международные

³³ См. подробно: *Alter K., Helfer L.* Nature or Nurture? Judicial Lawmaking in the European Court of Justice and the Andean Tribunal of Justice // *International Organization*. 2010. Vol. 64. P. 563–592.

³⁴ Case C-64/88, *Commission v. France*, [1991] ECR I-2727.

³⁵ 33rd Annual Report on monitoring the application of EU law. 2015. [COM(2016) 463]. P. 25–26.

суды, главное из которых можно сформулировать так: государства создают суды для достижения своих собственных целей и будут готовы работать с ним до тех пор, пока плюсы от такого сотрудничества перевешивают минусы.

В-третьих, опыт судов интеграционных объединений Латинской Америки и Африки показывает, что даже если государства выбрали для достижения своих целей региональную модель Суда ЕС при создании собственных судов, социальные, политические, экономические и правовые факторы могут привести к различным результатам эффективности этих судебных механизмов. Успех работы суда зависит от различных факторов, среди которых в первую очередь нужно упомянуть готовность государств и их национальных судов работать с международным судом, позицию самого суда, ее реализм, аргументированность, оценку последствий того или иного решения.

В-четвертых, сегодняшняя практика международных судов (суды интеграционных объединений в этом не исключение) показывает, что было бы верхом наивности уповать на то, что государства, подписав договор о создании суда, будут потом руководствоваться принципом *pacta sunt servanda* как при исполнении решений суда, так и при общей оценке его деятельности. Государства могут потерять интерес к суду или посчитать его деятельность слишком рискованной и обременительной для своих интересов и принять ответные меры в виде неисполнения его решений, ограничения юрисдикции суда или даже его закрытия. Принцип *pacta sunt servanda* не воспринимается сегодня как охранная грамота суда или индульгенция по отпущению всех его будущих грехов. И уж тем более нельзя исходить из того, что слова «интеграционный суд» сами по себе уже являются гарантией «светлого будущего» для конкретного суда.

Библиография

- Дорская А.А., Дорский А.А. Международные интеграционные организации и проблема формирования наднационального права // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 105–110.
- Интеграционное правосудие: сущность и перспектива / отв. ред. С.Ю. Кашкин. М.: Норма, 2017. 112 с.
- Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Интеграционное правосудие в современном мире. Основные модели. М.: Норма, 2016. 112 с.
- Клемин А.В. Имиджевые эпитеты терминами не являются // Современная Европа. 2015. № 5. С. 141–154.
- Курбанов Р.А. Евразийское право: процессы формирования // Государство и право. 2015. № 9. С. 65–71.
- Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 154–168.
- Толстых В.Л. Международные суды и их практика. М.: Международные отношения, 2015. 504 с.
- Чиркин В.Е. Наднациональное право: основные особенности // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 131–137.
- Alter K. The New Terrain of International Law: Courts, Politics, Rights. Princeton: Princeton University Press, 2014. 480 p.
- Alter K. et al. Backlash against International Courts in West, East and South Africa: Causes and Consequences // The European Journal of International Law. 2016. No. 2. P. 293–328.
- Kelsen H. Judicial Review of Legislation: A Comparative Study of the Austrian and the American Constitution // The Journal of Politics. 1942. No.2. P. 183–200.
- Lokulo-Sodipe J. The Quest for a Supranational Entity in West Africa: Can Economic Community of West Africa Attain the Status? // Potchefstroom Electronic Law Journal. 2013. No. 3. P. 254–291.

Osiemo O. Lost in Translation: Role of African Regional Courts in Regional Integration // Legal Issues of Economic Integration. 2014. No. 1. P. 87–121.

The Oxford Handbook of International Adjudication / Romano C. et al., eds. Oxford: Oxford University Press, 2014. 975 p.

Wet E. de. The Rise and Fall of the Tribunal of the Southern African Development Community: Implications for Dispute Settlement in Southern Africa // ICSID Review. 2013. P. 1–19.

What Means Loud Term “Integration Unions” ?

Alexey Ispolinov

Associate Professor, Head, Department of International Law, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University, Candidate of Juridical Sciences. Address: 1 Vorobiovy Gory, Bldg. 13, Moscow 119991, Russia. E-mail: ispolinov@inbox.ru

Abstract

In the present article, author critically assesses the notion of “integration justice”, pointing out its methodological uncertainty existing in the scholar literature and resulting from the lack of clarity and common understanding of the meaning of definition of “Integration”. It is suggested to consider as intergovernmental integration entities as those whose institutions possess powers transferred from the member states to adopt legally binding rules of general application replacing domestic legislation in the mutually agreed fields. In this case, the courts of such intergovernmental integration entities form a specific subcategory of international courts because only these courts have a competence to review such normative acts of general application. That powers make such courts as a vital part of law-making process of integration entities like the functions performed by national constitutional courts. Existence of such powers to review normative acts of general application may transform these courts into politically powerful player influencing the process of integration. Creating such courts, the member states by default use the Euroasian Union Court of Justice as a model and very often simply copying its structure and competences. However, the practice of the courts of regional integration shows that in the majority of cases such courts failed to play any significant roles on the integration and it has a sense to take into account that just copying of the Euroasian Union Court of Justice at the level of states does not automatically lead to the success of any specific court. The conclusion of the author is that future of any specific courts largely depends not solely on the structure and competences of the court, but on the unpredictable and random combination of the political, economic and legal factors.

Keywords

integration justice, integration, international courts, Court of justice of the EU, court review, acts of general application, Court of the Eurasian Union.

Citation: Ispolinov A.S. (2017) What Means Loud Term “Integration Unions”? *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 3, pp. 105 – 120 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.105.120

References

Alter K. (2014) *The New Terrain of International Law: Courts, Politics, Rights*. Princeton: Princeton University Press, 480 pp.

Alter K. et al. (2016) Backlash against International Courts in West, East and South Africa: Causes and Consequences. *The European Journal of International Law*, no 2, pp. 293–328.

Chirkin V.E. (2017) Nadnatsionalnoe pravo: osnovnye osobennosti [Supranational Law: Main Features]. *Zhurnal rossyiskogo prava*, no 2, pp. 131–137.

Dorskaya A.A., Dorski A.A. (2016) *Miezhdunarodnye integratsionnye organizatsii i problemy formirovaniya nadnatsionalnogo prava* [International Integration Bodies and Issues of Forming Supranational Law]. *Juridicheskaya nauka*, no 4, pp. 110–115.

Kashkin A.S. et al. (2017) *Integratsionnoe pravosudie* [Integration Justice]. Moscow: Norma, 112 p. (in Russian)

Kashkin A.S., Chetverikov A.O. (2016) *Integratsionnoe pravosudie v sovremennom mire: osnovnye modeli* [Integration Justice In the Modern World: Main Models]. Moscow: Norma, 110 p. (in Russian)

Kelsen H. (1942) The Judicial Review of Legislation. *The Journal of Politics*, no 2, pp. 183–200.

Klemin A.V. (2015) *Imagevye epitety terminami ne iavlyautsa* [Image Expressions are not Terms]. *Sovremennaya Evropa*, no 5, pp. 141–154.

Kurbanov R.A. (2015) *Evraziyskoe pravo: protsessy formirovaniya* [The Euroasian Law: Processes of Forming]. *Gosudarstvo i pravo*, no 9, pp. 65–71.

Loculo-Sodipe J. (2013) The Quest for a Supranational Entities in West Africa: Can Economic Community of West Africa Attain the Status? *Polchefstroom Electronic Law Journal*, no 3, pp. 254–291.

Osiemo O. (2014) Lost in Translation: Role of African Regional Courts in Regional Integration. *Legal Issues in Economic Integration*, no 1, pp. 87–121.

The Oxford Handbook of International Adjudication (2014). Oxford: OUP, 975 p.

Rafaluk E.E. et al. (2016) *Ponyatie, vidy i formy evraziyskogo i latinoamerikanskogo integratsionnykh objedineniy* [The Definitions and Forms of Euroasian and Latin American Integration Bodies]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no 1, pp. 154–168.

Tolstykh V.L. (2015) *Miezdunarodnye sudy i ih praktika* [The International Courts and Their Practice]. Moscow: *Miezhdunarodnye otnosheniya*, 504 p. (in Russian)

Wet E. (2013) The Rise and Fall of Tribunal of South African Development Community: Implications for Dispute Settlement. *ICSID Review*, pp. 1–19.